

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Ефим БАРБАН

собо́р «МН», Лондон

Играть по мировым правилам

В КОРОЛЕВСКОМ ТЕАТРЕ МАРИИНКЕ ВЫПАЛ КОРОЛЕВСКИЙ УСПЕХ

«Хованщина» — как образец традиционной постановки

В Лондоне завершились гастроли петербургского Мариинского театра, которые прошли на сцене театра «Ковент-Гарден». Их итоги подводит в эксклюзивном интервью «МН» художественный руководитель театра Валерий ГЕРГИЕВ.

— Как вы оцениваете лондонские гастроли?

— В течение трех недель в Лондоне выступала вначале балетная, а затем оперная группа Мариинки. Были показаны как известные спектакли — вроде «Лебединого озера» и «Хованщины», так и новые работы. С особым интересом зрители восприняли пять коротких балетов английского балетмейстера Уильяма Форсайта (совершенно неожиданный репертуарный ход Мариинского театра), которые уже два-три сезона с большим успехом идут в России. Лондон с не меньшим энтузиазмом прореагировал на эти постановки, и это подтверждает правильность нашей репертуарной политики. Пять лет назад я встречался с Форсайтом в Австралии, затем в России и пригласил этого самобытного балетмейстера поработать с нами. С Форсайтом с большим удовольствием занимались и наши звезды, и молодежь.

— Что больше понравилось англичанам — традиционные или новаторские вещи?

— Мы показали оперу Пуччини «Турандот», сделанную французской постановочной группой. Это скорее чисто европейская постановка, тесно связанная музыкальными и театральными нитями с партитурой. Спектакль не претендует на роль низвергателя традиций — в отличие от спектаклей нашего Дмитрия Чернякова или таких британских режиссеров, как Грэм Вик или Дэвид Маквикар, с которыми я много сотрудничал. Есть режиссеры, которые выходят к публике с задачей, как мы говорим, «переплюнуть того, кто буквально еще вчера плевался». В этих гонках мы, как правило, не участвуем. Поэтому наряду с комплиментами приходится

выслушивать довольно резкие негативные высказывания — в частности, по поводу того, что было сделано с партитурами оперы «Жизнь за царя» или с ее сценическим воплощением. Я поддерживаю такие режиссерские прочтения, они необходимы хотя бы раз в год. Их можно назвать рискованными. Это смелые и чаще всего интересные работы — точнее, небезынтересные эксперименты. Другое дело, что можно спорить, насколько уважительно молодые постановщики относятся к автору произведения (в данном случае к композитору).

впервые такого масштаба работа была показана на ответственной международной сцене. Очень хорош был Алексашкин в роли Пимена. Это опытный артист, мы его очень любим и уважаем, он не часто поет эту партию. Перед Лондоном мы выступили в Зальцбурге и Баден-Бадене. Сейчас возвращаемся домой.

— Как бы вы охарактеризовали репертуарную политику Мариинского театра?

— Наш репертуар можно назвать разнообразным, если не разношерстным. У нас много классических

Есть режиссеры, которые выходят к публике с задачей «переплюнуть того, кто буквально еще вчера плевался». В этих гонках мы, как правило, не участвуем

работ самых разных композиторов — Россини, Бизе, русской музыки. Наравне с традиционалистами с нами сотрудничают композиторы и режиссеры-модернисты. Мариинский театр сегодня настолько интернационален как по репертуару, так и по составу публики, что мы должны учитывать вкусы тех, кто хочет видеть и слушать традиционные спектакли, и тех, кто предпочитает современную музыку.

— Вы сами не пробовали ставить оперные спектакли по примеру Ростроповича, выпустившего «Хованщину» в Большом театре?

— Я не ставлю спектакли, но иногда очень осторожно поправляю, советую. Я даже попал в афишу в качестве постановщика — якобы вместе с Цыпиным я переделывал

работ самых разных композиторов — Россини, Бизе, русской музыки. Наравне с традиционалистами с нами сотрудничают композиторы и режиссеры-модернисты. Мариинский театр сегодня настолько интернационален как по репертуару, так и по составу публики, что мы должны учитывать вкусы тех, кто хочет видеть и слушать традиционные спектакли, и тех, кто предпочитает современную музыку.

— Вы сами не пробовали ставить оперные спектакли по примеру Ростроповича, выпустившего «Хованщину» в Большом театре?

— Я не ставлю спектакли, но иногда очень осторожно поправляю, советую. Я даже попал в афишу в качестве постановщика — якобы вместе с Цыпиным я переделывал

«Бориса Годунова». Да, мы поправили в нем многое, но я не постановщик этого спектакля. Это не моя профессия.

— Последние годы вы много дирижуете симфоническими оркестрами. Не сместились ли ваши интересы в сферу инструментальной музыки?

— У меня довольно универсальные интересы в музыке, я с равным удовольствием дирижирую и театральными, и симфоническими оркестрами, и даже исполнением балетной музыки.

— Не возникла ли у вас своя концепция дирижирования? Помню, Геннадий Рождественский заметил, что делит дирижеров на диктаторов и демократов. Дирижером-диктатором он назвал Герберта Караяна, а демократом...

— ...себя.

— ...Томаса Бичема, ну и себя в том числе.

— Я не делю дирижеров на диктаторов и демократов. Мне нравятся дирижеры, которые руководствуются диктатом музыки. Однако есть дирижеры, которые все подчиняют удобству в отношениях с музыкантами. Существуют дирижеры политики, создающие интерпретации, держа нос по ветру. Стоит сказать о небольшой группе дирижеров с незаурядным дарованием. Для их оценки совершенно не важно, улыбается он оркестру или молчал по природе. Главное, что он служит музыке, а не заставляет музыку служить себе.

— Мне не раз приходилось слышать от крупных композиторов, что значение дирижера в европейской музыкальной культуре силь-

— Мне показалось, что сейчас вы практически не дирижируете музыкой авангарда.

— Я столько в свое время дирижировал современной музыкой, что сейчас могу себе позволить исполнять музыку Стравинского, Шостаковича, Прокофьева.

— Можно ли говорить о каких-то ваших предпочтениях в музыке?

— Я не могу себе позволить навязывать огромному коллективу музыку двух-трех композиторов, которые мне кажутся значительными. Я обязан дирижировать операми хотя бы десяти крупных композиторов. Это не только Чайковский и Мусоргский, но и Верди, и Вагнер, не только Римский-Корсаков и Глинка, но и Моцарт, и Пуччини. При этом считаю абсолютно необходимым для себя пропагандировать за рубежом музыку Шостаковича и Прокофьева.

— Ощущаете ли вы реальную поддержку государства?

— Сейчас возникла довольно серьезная поддержка. Тот факт, что огромные средства вкладываются в приведение в порядок двух крупнейших театров страны, говорит сам за себя. Впрочем, это вовсе не гарантирует, что эти театры смогут лет через пять ответить на вложения значительным творческим подъемом.

— Как вы относитесь к проекту реконструкции Мариинского театра и строительства его нового здания, вызвавшем в Петербурге неоднозначную реакцию?

— Понимаете, было решено провести международный конкурс. Может быть, не следовало это делать, а России нужно было идти своим пу-

Новаторские балеты Форсайта Лондон принял с энтузиазмом

но преувеличено. В 20-е годы прошлого века в России существовали симфонические оркестры без дирижеров...

— Если поставить плохого дирижера во главе крупного коллектива, без него оркестр будет звучать лучше. Однако с такими яркими фигурами, как Евгений Светланов или потрясающий Вильгельм Фуртвенглер, результат будет превосходить все ожидания. В камерном оркестре я допускаю отсутствие дирижера. В крупном театре или известном оркестре без него жить нельзя. Его роль, может быть, и преувеличена, но слушатели идут на встречу с артистами, в которых верят.

— Вам не кажется, как Галине Вишневской, что в наше время опера, особенно оперный вокал, переживает кризис?

— Я бы не хоронил оперу полностью, но считаю, что вопрос стоит довольно остро, особенно в нашей стране, откуда очень многие серьезные вокалисты и музыканты уехали на Запад. Оставшиеся живут надеждами на любые контракты из-за рубежа. В этом плане похвастаться нечем.

тем без участия Европы, Америки или Азии. С моей точки зрения, это был бы путь в никуда. Мы собрали авторитетное международное жюри. Я в его работе не участвовал — там работали профессионалы. Выбрали проект французского архитектора. Кому-то он показался привлекательным, кому-то не стыкующимся с архитектурной атмосферой Петербурга. Однако ликвидировать результаты конкурса довольно трудно. Можно помочь архитектору создать минимальные обстоятельства риска. Многие мы уже сделали, уменьшив его аппетиты: чтобы здание не возвышалось над Мариинским театром и исторической застройкой района.

Нам нужен театр, знаменитый не тем, что его здание кричит о собственной архитектуре, а тем, что оно функционально и способствует творческому процессу. Необходимо либо играть по мировым правилам или возвращаться за «железным занавесом».

30 августа Валерий Гегриев вместе с «Оркестром мира» открывает концертный сезон в Москве.